

Н. Н. БОГОМОЛОВА

ИНДИЙСКИЙ ПРАВИТЕЛЬ ГЛАЗАМИ АНГЛИЧАНИНА ВИЗИТ ПРИНЦА УЭЛЬСКОГО В ИНДИЮ. 1875-1876

В статье раскрываются механизмы репрезентации образа индийской знати в период визита принца Уэльского Альберта-Эдуарда в Индию. Тема вписывается в проблематику образа колониального «Другого». Процесс его формирования показан посредством анализа первого массового иллюстрированного журнала “The Illustrated London News” как одного из информационных каналов выражения имперской идеологии. В центре внимания находятся особенности восприятия викторианцами политической титулатуры индийского мира, их внешнего облика и личностных качеств. Изучается текстовая и визуальная традиции изображения индийцев.

Ключевые слова: образ, инаковость, “колониальный Другой”, викторианские представления, индийский правитель, амбивалентность, стереотип.

Британские представления об Индии вписываются в более широкий контекст изучаемой в исторической науке, культурологии, политической лингвистике, социологии проблемы – феномена «Другого».

Фактор прямой политической зависимости колоний от метрополии, сформулированный пришедшими к власти в 1874 г. консерваторами, предполагал, кроме геополитических целей, еще и поиск путей сосуществования метрополии и колоний на основе идей и принципов, выработанных западноевропейской цивилизацией. Успех экономической модернизации Индии зависел, в огромной степени, от ментальной готовности самого индийского общества воспринимать и позитивно реагировать на предложенные колонизаторами изменения. Этот принцип лег в основу внутривнутриполитической деятельности консервативного вице-короля лорда Литтона в Индии, деятельности, начатой его предшественником графом Нортбруком. Этой цели служила и поездка принца Уэльского Альберта-Эдуарда в Индию (ноябрь 1875 – март 1876 г.), результатами которой стало укрепление отношений с местной индийской знатью, завоевание «сыном королевы» их симпатий и, как следствие, принятие в 1876 г. парламентского Акта о королевском титуле, в соответствии с которым королева Виктория признавалась императрицей Индии. Мы реконструируем представления об Индии в период визита принца Уэльского на основе анализа “The Illustrated London News” как креолизованного текста, репрезентирующего Индию как колониального «Другого».

На октябрь – декабрь 1875 г., на начало путешествия принца Уэльского по Индии, приходится 13% от общего объема креолизованного

текста, и 31% приходится на разгар путешествия: январь – май 1876 г. Ни один другой сюжет, за исключением войн с кафрами и Балканской войны, не имел за эти годы столько широкого освещения в журнале.

Не только дипломатические инструкции и планы передвижения составляли «багаж» принца Уэльского. На заседании в Палате Общин премьер-министр Б. Дизраэли не упустил случая дать ему несколько установок для восприятия страны, которую ему предстояло посетить: «Путешествие – лучшая школа для принцев. В Индии он будет встречаться с представителями множества национальностей и различных рас, чуждых религий, чуждых традиций, чуждой манеры поведения <...> Есть одна характерная черта, хорошо известная любому джентльмену, которая отличает восточные нравы... – традиционность, сильно укоренившаяся в восточной жизни и, я могу сказать, в Индии в частности». Оговаривалось, что «принц Уэльский едет в Индию не как представитель ее Величества <...> Но невозможно отнять у него честь представляться старшим сыном Королевы, и невозможно игнорировать необходимость чествования Принца в такой манере, чтобы поразить Восточный разум»¹.

Специфика изучения текста и иллюстраций в журнале проявляется в неразрывной взаимосвязи вербального и невербального компонентов. Лингвисты ввели понятие креолизованного, семантически осложненного, «нагруженного» текста. Разделяя мнение о том, что вербальный компонент (собственно текст) наполняется особым значением, если соотносить его с изображением, мы говорим об огромной воздействующей силе креолизованного текста “The Illustrated London News” на читательскую аудиторию. Ведь вербально и невербально преподносимая информация воспринимается и усваивается по-разному. Так, исследования М.Б. Ворошиловой показали, что «информация, содержащаяся непосредственно в тексте, усваивается лишь на 7%, голосовые характеристики – на 38%, тогда как наличие визуального образа заметно повышает восприятие до 55%»². При этом важно, что «текстовые сообщения влияют на сознание читателя рациональным путем, тогда как использование визуального образа переводит восприятие на подсознательный уровень»³. К тому же «впечатление глаза» вызывает у воспринимаемого большее доверие: «то, что мы видим, быстрее и легче принимается как истина, вызывает меньше опасений»⁴. «Изображение, в отличие от слова, всегда представляющего чей-то интерес или позицию,

¹ The Morning Post. 1875.9 July.

² Политическая лингвистика...2007. С. 74.

³ Бойко. 2006. С. 71.

⁴ Войтасек. 1981. 190.

принимается в качестве некоей объективной картинки. Оно не соотносится в сознании адресата с той или иной политической установкой адресанта, оно кажется более демократичным»⁵. Расшифровка языка знаков или креолизованного текста – это метод изучения системы ценностей поздневикторианского общества, особенностей его колониального мировоззрения. В последнее время иконографические источники все чаще привлекаются историками ментальностей для изучения представлений о «Другом»⁶. Механизмы конструирования и функционирования образа колониального «Другого» в обществе поможет вскрыть анализ визуального аспекта оппозиции «Свой – Другой».

Путешествие принца Уэльского по Индии – это череда постоянной смены городов и княжеств, прием в которых ему организовывали представители местной индийской власти: из Бомбея – в Мадрас и на Цейлон, затем опять в Бомбей, откуда путешествие продолжилось через Центральную Индию в Пенджаб, к границам британских владений. По сути, степень контакта с «Другим», колониальным миром напрямую соответствует глубине наблюдения колонизаторов. В нашем случае принц Уэльский и его спутники ограничивались общением с верхушкой индийского общества и с англо-индийским населением. Поэтому одним из центральных сюжетов, освещенных в “The Illustrated London News”, являются портреты и описания индийской аристократии. В глазах наследника британской короны и его сопровождающих она представляла собой некий собирательный образ «влиятельных джентльменов туземного происхождения»⁷, «правителей, восседающих на разукрашенных слонах, с пышным эскортом» в «причудливых одеждах»⁸. Всего за время визита принц и его спутники⁹ удостоили личными встречами лишь некоторых из самых влиятельных правителей Индии, других почтили своим присутствием на приемах – дарбарах, банкетах и представлениях в свою честь. В журнале встречаем изображения и описания некоторых, наиболее политически влиятельных из них:

Раджи: штат Деккан, Колхапур (Deccan States Agency and Kolhapur Residency), штат Мадрас, Мисор (Madras Presidency, Mysore), штат Гуджарат, Удайпур и Кача (Gujarat States Agency, Udaipur and Cutch), также княжество Барода (Baroda), штат Раджастан, Бхартпур (Rajasthan Agency, Bhurtpure), штат Гвалиор, Бенарес (Gwalior Residency, Benares).

⁵ Чудакова. 2005. 189.

⁶ Лучицкая. 2001; Афанасьева. 2004.

⁷ The Illustrated London News. 1875. 23 October.

⁸ Ibid. 1875. 8 January.

⁹ Герцог Сазерленд, сэр Батлер Фрер, лорд Педжет, лорд Саффилд, лорд Карингтон и многие другие.

Махараджи: штат Раджастан, Удейпур (Rajasthan Agency, Oodeypore), штат Гвалиор, Бенарес (Gwalior Residency, Benares), штат Раджастан, Мевар (Rajasthan Agency, Mewar), Штат Центральная Индия, Индор (Central India Agency, Indore), штат Раджастан, Джайпур (Rajasthan Agency, Jaipur), самостоятельная территория Кашмир (Individual residency, Kashmir), штат Гвалиор, княжество Гвалиор (Gwalior Residency, Gwalior), штат Деккан, Колхапур (Deccan States Agency and Kolhapur Residency), штат Гуджарат, Идар (Gujarat States Agency, Idar), штат Мадрас, Мисор (Madras Presidency, Mysore), штат Раджастан, Джодхпур (Rajasthan Agency, Jodhpur), штат Пенджаб, Паттиала (Punjab States Agency, Puttiala).

Со страниц “The Illustrated London News” на нас смотрит 46 портретов. В статьях описываются достаточно полно четверо правителей, упоминается – более 80-ти. Поскольку изображения участвуют в организации текста в разной степени, мы формируем из них две группы:

➤ **тексты с частичной креолизацией**, когда изобразительная часть выступает в качестве сопровождения вербальной части и является факультативным элементом текста (10%), и

➤ **тексты с полной креолизацией**, где вербальная часть не может существовать автономно, независимо от изображения. (90%).

Наиболее типичной оказывается следующая комбинация вербального и невербального компонентов в изображении правителей Индии:

1. иллюстрация+комментарий редакции
2. иллюстрация+комментарий+инициалы художника
3. серия иллюстраций+общий сопровождающий комментарий
4. серия иллюстраций+общий сопровождающий комментарий+частные комментарии к каждой иллюстрации из серии
5. основной вербальный текст (статья)+иллюстрация+комментарий редакции.

За исключением Guisowar¹⁰ Бароды, чьи портреты являются выделительными типами иллюстраций (по соотношению роли изображения с объемом текста), остальные иллюстрации относятся к изобразительно-центрическому, так как все внимание читателей сводится именно к изображениям, которые, порой, не имеют дополнительной информации в статьях. Все богатство образов представителей местной власти в иллюстрациях сводится к скупым комментариям, подчеркивая сосредоточенность на иллюстративном материале. Мизерную роль вербального текста, которую редакторы отвели описанию правителей Индии, можно объяснить спецификой самой страны – блеск и роскошь иллюстрированных образов не смогла бы передать ни одна статья. Необходимо также учитывать, что в этот период в Великобритании шло бурное раз-

¹⁰ Титул суверена Гуджарата в Восточной Индии.

вите печатных изданий, формировался новый массовый способ подачи печатного слова и визуального изображения. Техническая революция, начавшись в 1850-х гг., расширяла способы репрезентации колониального «Другого»: «происходило соединение вербальных и изобразительных элементов, которые облегчали восприятие метрополией подвластных территорий, что создавало опору для мифологизации сознания аудитории, которое всегда нуждается в подсказке»¹¹.

Важную роль в восприятии иллюстраций играла система ценностей викторианского общества, сквозь фильтры которой проходила вся информация, предлагаемая читателю. Говоря об имперском аспекте восприятия подчиненного мира, К. Гирц отмечал: «допустить мысль о том, что многообразие обычаев во времени и пространстве – это не просто вопрос костюма и внешнего вида, сценических декораций и комических масок, – значит допустить также мысль о том, что человечество столь же разнообразно в своей сущности, как и в своем внешнем выражении. И на данной мысли расслабляются некоторые крепко затянутые философские швартовы и начинается беспокойный дрейф в опасные воды»¹². Европейцы были убеждены в том, что перспектива войти в культуру, приобрести «историческое измерение» у народов других континентов появилась только с того момента, как они вошли в европейскую орбиту. Поэтому индийская культура, ее правители выступали на страницах «The Illustrated London News» как объект западного знания. Англичане писали и рисовали ту Индию, стереотипное восприятие которой накапливалось в памяти народа еще со времен Великих географических открытий.

Вся логика изложения информации в газетах служит этой колонизаторской модели восприятия и познания викторианцами неевропейского мира. Маркерами, идейно подтверждающими модель активного познания мира, служит специфическая лексика текста, насыщенная речевыми оборотами, фигурами речи и тропами, выражающими ценностные ориентиры эпохи. Очевидно, что в первую очередь это касается названия «Другого». Семантический анализ терминов, обозначающих данный феномен, есть первый уровень постижения представлений викторианцев, поскольку «‘название’ уже есть представление»¹³. В понятиях, обозначающих «Другого» создается образ Индии в целом, где мы находим семантическую оппозицию господства–подчинения: «наши Восточные Индийские владения», «Британская Индия», «наша Восточ-

¹¹ Смирнова. 2006. С. 56.

¹² Гирц. 2004. С. 47.

¹³ Фуко. 1977. С. 138.

ная Империя», «наши портовые гавани». Индия, безусловно, заслуживала того, чтобы гордиться ее завоеванием. Употребление личного местоимения «наш, наше» показывает определение Индии как части Себя, но подчиненной части. Истоки такого восприятия Востока, по-видимому, необходимо искать в идеях эволюционизма, сформировавшихся в европейской науке в первой половине XIX в. Как известно, эволюционизм исходил из общности человеческой природы и единства мировой истории. «Идеи универсальности и однолинейно-прогрессивной эволюции мирового исторического процесса вели к поиску и обнаружению в развитии восточных стран черт, присущих общемировому историческому процессу, эталоном которого служило передовое западное общество»¹⁴. Покровительственное отношение к менее цивилизованной стране, тем не менее, не мешало викторианцам находить такие обозначения, которые подчеркивают барьер между «Своим» и «Чужим» («другая цивилизация»¹⁵, «варвары»¹⁶, «эти Арабы»¹⁷); они имеют особое значение, так как применяются ко всей стране, туземному обществу в целом.

Изучая представления англичан об индийских правителях, небезинтересно посмотреть на то, как выглядит рисуемая ими политическая структура индийского мира, а также выявить особенности восприятия внешнего облика и личностных качеств.

Английская колониальная администрация в Индии была громоздка, и история завоевания континента позволила им в доскональности изучить индийскую политическую титулатуру. В социальной политике консерваторы традиционно стремились к союзу с аристократией. Литтон писал королеве Виктории: «Аристократия имеет сильное влияние на остальное местное население. Объединить ее вокруг трона» Вашего Величества и связать их симпатии и интересы с британским правлением означает серьезно укрепить власть и увеличить славу императрицы Индии <...> Если князья будут с нами, то и народ будет с нами»¹⁸. Конечно, конкретные шаги по предоставлению властных полномочий индийской аристократии были предприняты после возвращения наследника престола на родину и провозглашения королевы Виктории императрицей Индии. Но курс на эти реформы, несомненно, был выработан в самом начале прихода к власти консерваторов. Отношения наследника британской короны с индийцами строились «на основе ‘матрицы’ им-

¹⁴ Смирнов. 2005.

¹⁵ The Illustrated London News. 1875. 30 October.

¹⁶ Ibid. 3 January.

¹⁷ Op. cit. 20 November.

¹⁸ Lytton to the Queen. May 04, 1876. Цит. по: Сидорова. 2006. С. 198.

перских идей и рефлексов: идей иерархии, неравенства ‘отсталых’ и ‘цивилизованных’ народов»¹⁹.

Ключевые термины в словаре английских газет для обозначения индийских правителей – “indian princes or rajahs” (48 раз), “native Potentates” (18), “chiefs” (35), “ruler” (42). Риторическая фигура «называния» помогает викторианскому читателю найти для чуждых терминов близкие эквиваленты, создавая «эффект ясности». Семантический анализ терминов, обозначающих «Другого», есть первый уровень постижения представлений викторианцев об индийцах, поскольку «перевести – значит назвать, дать наименование»²⁰. Коннотация всех этих терминов – политическая. Ведь стремление англичан понять значительно уступало стремлению подчинить, что накладывает отпечаток на способ познания.

Одним из главных атрибутов статуса индийского правителя англичане видят присутствие рядом с каждым из них местной знати: «в Лахоре сына Королевы встречали местные принцы, и каждый из них имел при себе двух синдаров, и все – на слонах»²¹. Понятие “sindars” англичане переводят как “noblemen” или в другом варианте “the nobles or sindars, как их здесь называют”(курсив мой. – Н. Б.). И. Фабиан определяет подобное как «этнографическое настоящее», когда язык колонизируемого населения выступает как объект западного знания. Описание услышанного в данный конкретный момент подается как типичное для данной культуры. Исследователь отмечал, что «этнографическое настоящее» как бы ‘замораживает’ общество в том времени, когда его обозревают»²². В статьях “The Illustrated London News” мы находим много примеров «этнографического настоящего», что дает право говорить о тенденции англичан воспринимать колониальный мир в категориях статики.

Знатные индийцы постоянно окружают кронпринца, куда бы он ни следовал. Имеется единственное описание местного аристократа, чему способствовали его особые заслуги. Dwarkanath Tagore – владелец пригородной виллы Belgatchia вблизи г. Калькутты. В конце декабря 1875 г. «этот местный джентльмен» устраивает здесь пышный прием в честь королевского наследника и, будучи прогрессивным человеком, «делает всё, что в его силах, для улучшения взаимопонимания европейцев и туземцев на благо плодотворного сотрудничества». «Нет такого индийца, который принес бы больше пользы на этом поприще, чем Dwarkanath

¹⁹ Богомолов. (URL).

²⁰ Лучицкая. 2001. С. 172.

²¹ The Illustrated London News. 1876. 19 February.

²² Fabian. 1983. P. 9.

Tagore»²³. Описания личных качеств или черт характера других представителей местной знати мы не встречаем. Для англичанина они сливаются в однородную группу знатных и влиятельных особ, состоящих при каком-либо из правителей Индии. Детализация их восприятия сводится лишь к знанию рода, к которому принадлежит тот или иной приглашенный: «На банкете, организованном в г. Калькутте, среди приглашенных присутствовали главы самых могущественных семейств Индии: Граванкора, Джодпура, Джейпура, Рева, Бенареса, Кашмира и Визанаграма, и блеск несметного числа драгоценностей слепил глаза повсюду»²⁴.

Дистанцирование европейца от «чужой» культуры, постоянный контроль и саморефлексия порождали порой казусные ситуации, как, например, на приеме в Доме Правительства в г. Пареле. Принц Уэльский отказался принять дары индийской знати, так как «нечего было предложить в ответ»²⁵. «Викторианская самоуверенность вела к тому, что своим поведением англичане стремились вызвать у индийцев восхищение и признание себя в качестве существ высших и достойных подражания и тем самым воздействовать на них»²⁶. Поэтому даже в таких мелочах, как подарки, сын английской королевы не мог себе позволить остаться обязанным. А чтобы «показаться учтивым, он прикоснулся к дарам в знак признательности за их подношение. И некоторые из презентов (букет роз и сладости) передаривал стоящим рядом принцам и раджам»²⁷.

Описания правителей, носящих высший титул *махараджа*, наиболее детализированы. Махараджи – единственные из князей, владения которых наследник британского престола посетил лично, а в некоторых провел более месяца (г. Джайпур). Показательно, что титул *махараджа* в статьях вообще никак не переводится и не поясняется. Это направлено на создание у читателя «эффекта реальности» описываемых персон. Наличие определенного титула индийской иерархии подразумевает существование соответствующего эквивалента в собственной культурной традиции. Тогда в таблице соответствий двух миров не возникает феномена, описанного С.И. Лучицкой как «лакуна» или «пробел»²⁸. В нашем случае, наоборот, отсутствие риторической фигуры перевода образует «языковую лакуну», которая усиливает эффект экзотичности как одного из проявлений инаковости. И, если англичане в собственной традиции не

²³ The Illustrated London News. 1876. 21 January.

²⁴ The Illustrated London News. 1876. 19 February.

²⁵ The Illustrated London News. 1875. 25 December.

²⁶ Лурье. 1995. С. 253.

²⁷ The Illustrated London News. 1875. 25 December.

²⁸ Лучицкая. 2001. С. 171.

видят титула, соответствующего индийскому, то, видимо, речь идет так же и о «культурной лакуне»²⁹.

Рассмотрим одну из главных визуальных характеристик – внешний вид. Описания правителей, их эскорта и одежд занимают большую часть отдельных статей, эмоционально насыщенных средствами художественной выразительности: эпитетами «живописные белые одежды Востока», риторическими восклицаниями «Их присутствовало 50 или 60 человек, как мало из них я знал, и как много из них носят великие исторические имена!»³⁰, перечислениями «Улицы Бомбея дают большее разнообразие характеров, чем можно найти в любом другом крупном городе Индии. Нигде нет такого разнообразия костюмов: здесь и маратхи, и парсы, жители Бароды, Качи, арабы, пожаловавшие с Персидского залива, кабульцы, африканцы, а помимо них еще китайцы и многие другие»³¹.

Сложные по конструкции одеяния правителей и жителей Индии, многообразие украшений, тканей, вышивки и аксессуаров значимы в контексте обращения к амбивалентным характеристикам в восприятии британцами индийского варианта внешнего вида. С одной стороны, экзотичность и роскошь напоказ восхищали, будоражили воображение. Индийская одежда как бы придавала в своей визуализации законченность уже имеющимся в умах британцев представлениях об Индии вообще, о «ее колоссальных богатствах и ее богатейших ресурсах»³². Она подтверждала визуально все то, что британцы читали и слышали об Индии ранее – в романах Ч. Диккенса, в опубликованных рассказах путешественников или в речах политических лидеров. Каждый отдельный атрибут внешнего вида жителя Индии и индийская одежда в общем плане «играли» на этот образ. С другой стороны, все чуждое обязательно проходит сквозь фильтры имперского сознания и получает не только положительную оценку: “The Illustrated London News” открыто смеются над парадным видом великих правителей Канди, о Цейлон, почтивших принца Уэльского своим визитом: «Их костюмы были самыми примечательными и вычурными из всех, когда-либо видимых <...> На их головах восседали ‘подушечки для булавок’ диаметром около 18 дюймов <...> А нижняя часть их одеяния была еще более примечательна, чем верхняя, и представляла собой массу муслиновых складок, придавая им вид весьма дородных матрон в крайне интересном положении»³³. Ко-

²⁹ Там же. С. 173.

³⁰ The Illustrated London News. 1875. 13 November.

³¹ The Illustrated London News. 1875. 20 November.

³² Костюченко. 1977. С. 6.

³³ The Illustrated London News. 1875. 15 January.

мичный эффект усиливается наличием иллюстрации, по сути, выделительным типом иконической части креолизованного текста. {рис.1}

Эффект экзотичности подогревается рассказами о «гостеприимстве» махараджей, «невероятных приемах», «величии и сказочности» их владений. Образы внешнего вида реалистичны и имеют яркую художественную выразительность. Объемность форм, «индивидуальный почерк» художника, игра света и тени – вот отличительные художественные манеры, в которых работали иллюстраторы. Собственно, развитие иллюстративной графики с середины XIX в. характеризуется, прежде всего, расцветом графического искусства, имеющего самостоятельное художественное значение и внесшего ценный вклад в передовое реалистическое искусство нового времени. Поэтому персонажи правителей-индусов имеют яркую портретную индивидуальность, типично наличие мимики и выразительности взгляда. В основном, это гравюры на дереве, фотографии еще крайне редки. Этническая инаковость в иллюстрациях 1870-х гг. проявляется не в фантастичности, но в реальной экзотичности рисуемых образов индусов. Отличия не нужно подчеркивать или придумывать, они сами бросаются в глаза.

Несмотря на то, что литографии “The Illustrated London News” черно-белые, художники-иллюстраторы сумели передать не только блеск и роскошь нарядов махараджей, оригинальные детали одежды, но также и расовые признаки. Изображения лиц индусов заштрихованы черным карандашом, что создает эффект смуглой кожи. Это особенно бросается в глаза, когда два портрета – индуса и англичанина, как это часто встречается, расположены на одной странице. {Рис.2}

На символическом уровне цвет кожи имел свои коннотации: «в дихотомии черно-белого белый цвет ассоциируется с чистотой, светом дня и моральной непорочностью, тогда как черный предполагает грязь, грех, зло и тьму»³⁴. С.И. Лучицкая отмечала, что «цвет сам по себе нейтрален, смысл ему придает лишь наше восприятие. Ведь оно зависит от системы ценностей; оно связано с опытом и установкой созерцателя»³⁵. Если исходить из особенностей имперского мышления викторианца, то рассматривая изображения индусов, он моментально должен был ассоциировать «империю» с блеском, «имперскую расу англосаксов» – с белым цветом кожи, «цивилизаторскую миссию» – со светом. Метафоры, основанные на цветовом контрасте, подталкивали к восприятию как грязной, темной – смуглой кожи правителей-индусов, повышенной растительности и на-

³⁴ Cairns. 1965. P. 75.

³⁵ Лучицкая. 2001. С. 329.

личия красок на лицах, босых ног. Эти два цвета играли основополагающую роль в викторианском восприятии колониального мира. Лица туземных князей необычайно живые и отлично передают характер их владельцев, подмеченный художниками. Все фигуры самодовольны и внушительны, что выражается в статности и воинственности, соответствующей принадлежности к воинскому сословию. Махараджа Индора – высокомерен, смотрит свысока и вздернул подбородок {рис. 3}; махараджа Удайпура имеет ленивый взгляд, мягкие очертания лица, губ выдают безвольность характера {рис. 4}, верховный правитель Бароды – совсем юн, замкнутое выражение лица придает ему серьезности {рис. 5}, махараджи Гвалиора и Кашмира – правители почтенного возраста, на их лицах печать восточной хитрости и проницательности {рис. 6}. Всех объединяет одно – присущая Востоку в целом инертность по отношению к внешнему миру, что англичане назвали праздностью, ‘men of idle’; англичане также характеризуют восточные народы как неисправимых лгунов, кроме того, они «апатичны и подозрительны»³⁶ и «во всем выступают против ясности, прямоты и благородства англо-саксонской расы»³⁷.

Из такой мозаики личностных качеств туземных правителей Индии мы получаем стандартизированный набор представлений англичанина о том, как должен выглядеть восточный суверен: атрибуты язычества (тюрбан и платье для мужчин), темный цвет кожи (символ нечистоты), толстые губы (символ лицемерия и лживости), растительность на лице (символ мужественности). Выделение типичности параметров внешнего вида обуславливает социальную категоризацию. Н.А. Белолипецкая отмечала: «Картина мира ‘Другого’ тяготеет к малой подвижности, к инерции в сознании колонизаторов, и даже качественные сдвиги, происходящие в другой культуре, не закрепляются быстро в восприятии ‘Другого’»³⁸. То есть, перед нами упорядоченная информация, которая в основе своей соответствует прочно вошедшим в сознание викторианцев устойчивым этническим стереотипам о колониальном правителе вообще и правителе Индии в частности.

Пресса поддерживала «простые, наглядные, легко запоминающиеся и доступные освоению, знакомые многим»³⁹ характеристики колониального мира и его отдельных персонажей, упрощая богатство их качеств и сводя их к этим характеристикам. Таким образом, мы выявили три следствия стереотипизации, о которых говорил С. Холл: «редукция,

³⁶ The Illustrated London News. 1876. 20 March.

³⁷ Историческая психология и социология...2009. С.21.

³⁸ Белолипецкая. 2010. С. 28.

³⁹ Вестник ННГУ...2002. С.227.

эссенциализация, фиксация ‘различий’⁴⁰. Получается, что стереотипы ригидны, оказываются характерно неизменны и однозначны. Технический прогресс позволил использовать в массовой печати иллюстрированный материал, который по сути своей, привнес лишь обновление формы подачи стереотипов, но не их содержание.

Индийская одежда сама по себе выполняет функцию религиозной инаковости. Важно, что в контексте анализа внешности индийских правителей стереотипизация «оказывается практикой ‘замыкания границ’ или исключения»⁴¹, символически фиксируя границы узнавания и исключая все, что не охватывается ими. Здесь мы имеем дело с особенностью колониального познания: стремясь к активному узнаванию подвластных территорий англичане, скрупулезно изучая внешние детали всех институтов и сфер индийского общества, тем не менее, сознательно исключают для себя глубокое познание другой культуры, ограничиваясь поверхностным. В частности, это касается головного убора индусов – тюрбана. Английские иллюстраторы тщательно прорисовывают каждый штрих, делают различия между манерами драпировки. Но если для самого индуса этот атрибут внешности являлся символом его статуса и неураченной чести, то для викторианца этот факт ничего не значит и является, в первую очередь, визуальным атрибутом иноверца, язычника. Англичане исключили знание его разновидностей и символического значения из пространства познания чуждой культуры, и будь то тюрбан типа «сафа» (ткань складывается в более узкую полосу и накручивается на голове) или «пагди» (ткань скручивают жгутом, что напоминает чалму), для англичанина это просто тюрбан. Та же особенность стереотипизации касается и индийских ювелирных украшений. Головной убор всегда имеет украшение, вошедшие в моду еще при Моголах. Как отмечала Е.Н. Успенская, «чаще всего – сердоликом, аметистом, сапфиром. Спереди надо лбом часто прикалывали брошь-сарпеч»⁴². Так, махараджа Кашмира изображен в тюрбане с драгоценной брошью невероятной красоты, придерживающей пучок перьев райской птицы⁴³. Такие атрибуты внешности являлись характерными для всех правителей-раджпутов. Надо знать, что ювелирные украшения, по сути, являются оберегами и амулетами, а также символами социального статуса, и носят их не просто из любви к красивым вещам. Но эта деталь внешнего вида в текстах не описывается, значит, для англичанина – это просто аксессуар.

⁴⁰ Hall. 1997. P. 257.

⁴¹ Вестник ННГУ... 2002. С.228.

⁴² Успенская. 2000. С. 360-361.

⁴³ The Illustrated London News. 1875. 18 December.

«Развенчанию» ценности и качества ювелирных украшений местной знати посвящена целая статья, написанная, видимо, в целях предотвращения их массовых покупок соотечественниками. «Отличительной особенностью индийских ювелирных украшений», – заявляет корреспондент, «является обманчивость их великолепия, фальшивая твердость металла, который не стоит больших денег, а также их броскость». Обращаясь к читателю, он объясняет: «...Вы видите ожерелье или кушак, усеянный драгоценными жемчужинами, которые считаете бесценными, но это чистой воды обман, ‘игра цвета’. Жемчужины и бриллианты, изумруды и рубины, они лишь обманчиво горят, и не имеют в сущности ценности. Индийский ювелир добивается лишь яркого эффекта сияния, варварски кричащего, и не задумывается над чистотой камней», но ничто не может превзойти артистическое мастерство и эффектность, с которой эти безделушки носят в Индии»⁴⁴. {рис. 7} Так газета дает установку на восприятие сопутствующего материала. Махараджи Бенареса, Индора, Гвалиора, Джайпура просто «увешаны» подобными украшениями, «индийские принцы и вожди блистали варварским жемчугом и золотом»⁴⁵ на каждом из приемов – дарбаров. «Индийского ювелира интересует количество, и совершенно не беспокоит качество; брак изумрудов, фальшивые рубины, ‘большие как грецкий орех’, и просто алмазная крошка... Бессчетное число камней, популярных в Индии, не имеют ценности в Европе, если только как музейные экспонаты»⁴⁶.

Религиозная символика инаковости одежды индийцев дополняется эстетической: «причудливые одежды людей являли собой любопытнейшее зрелище»⁴⁷, – заявляет корреспондент из Калькутты. На фоне высоких лиц, «шествовавших по улицам Бомбея к Дому Правительства на встречу Индийских Принцев с Его Высочеством»⁴⁸, выделялись двое: юный Guicowar Бароды и махараджа Удайпура. Первый был одет в «парадное платье, усеянное бриллиантами, стоимость которых оценивается в несколько сотен тысяч фунтов стерлингов». «Он не такой деспот, какими были его предшественники»⁴⁹. Имеется в виду, в частности Маратха Гаеквар Бародский, который был низложен в 1875 г. за плохое управление и попытку отравить состоявшего при нём британского резидента⁵⁰,

⁴⁴ The Illustrated London News. 1876. 12 August.

⁴⁵ The Illustrated London News. 1875. 13 November.

⁴⁶ The Illustrated London News. 1876. 12 August.

⁴⁷ The Illustrated London News. 1875. 8 January.

⁴⁸ The Illustrated London News. 1875. 18 December.

⁴⁹ The Illustrated London News. 1875. 11 December.

⁵⁰ История Индии...1973. С.402.

а владения оставлены за одним из его малолетних родственников, и взяты под опеку Короны. “The Illustrated London News” дают довольно полную характеристику реформам, предпринятым англичанами на территории княжества. Поэтому тональность текста по отношению к ‘boy-prince’ самая теплая. Юный правитель изображен «по всей форме и во всей пышности»⁵¹. Корреспондент отмечает, что «маленький мальчик наделен выдающимся интеллектом»⁵², что художник и постарался передать на портрете: несмотря на атмосферу восточной роскоши и праздности, лицо юного принца серьезно и с оттенком грусти.

«Среди множества роскошных одежд одевание махараджи Удайпура Dheraj Sumbhoo Singh заслуживает особого внимания: весь в белоснежном хлопке, с золотым ремнем через левое плечо, на котором пораджпутски держался щит, с индийской саблей в руке... вот в таком виде он предстал перед своим будущим Императором». {рис. 8} Повидимому, этот «молодой человек, чья слишком смуглая кожа странна для туземца и была в оспинах, носит небольшие усики, и выражение его лица угрюмо и без следов интеллекта», не входил в круг приближенных к принцу Уэльскому, поскольку не удостоился почетного звания «местного джентльмена». Он был уязвлен тем, что на торжестве «занимал место после мальчишки Guicowag», хотя был «одним из самых важных раджпутских принцев, чей род вел начало от мифического героя Рана»⁵³.

В целом, комментарии постоянно акцентируют внимание читателей на описании деталей индийской одежды: будь то вышивка золотой нитью на тончайшем шелке, который носит раджа, или массивные бесценные серьги, броши, браслеты, ожерелья и подвески. Имеется четкое понимание того, что Индия – баснословно богатая страна. Употребляемые эпитеты – роскошь, блеск, богатство, помпа, вычурность – создают образ сказочности. Так, англичане вводят понятие «Грандиозного восточного торжества» (“Grand oriental state”)⁵⁴ в контексте помпезности различного рода торжественных событий, увиденных ими в Индии: въезда в город, дарбара или представления {рис. 9}. «Правители, восседающие на слонах, их пышный эскорт, внешний вид являли собой самое красочное представление»⁵⁵. Подобные реплики предвеляют описания торжеств по поводу приезда наследника в любой из городов Индии. Понятие включает такую картину {рис. 10}: «Принц въехал в Джайпур вечером со всей

⁵¹ The Illustrated London News. 1875. 25 December.

⁵² The Illustrated London News. 1875. 11 December.

⁵³ The Illustrated London News. 1875. 18 December.

⁵⁴ The Illustrated London News. 1876. 2 February.

⁵⁵ The Illustrated London News. 1876. 8 January.

грандиозной восточной пышностью. Процессия включала пехотинцев, верховых сопровождающих, метальщиков копий – все в вычурных костюмах. За ними следовали слоны с седоками и длинная вереница местных жителей. Затем показалось несчетное количество тяжеловооруженных всадников с длинными восточными саблями, представляющими дикий танец перед Его Высочеством Принцем и махараджей Джайпура. Последние восседали на слоне в окружении факелоносцев. Дворцовая свита, также верхом на слонах, раджи и местная знать следовали за процессией, а конные и пешие воины замыкали шествие. Всё это вместе производило невероятное впечатление. Весь город был украшен венецианскими масками и огнями. Толпы зевак наводнили улицы, и в них царил всеобщий восторг»⁵⁶. Корреспонденты отмечают, что «лишь единицы из местных правителей имеют меньше, чем 20 слонов и 40, а то и 50 верблюдов, 6 стрелков, 20 конных и, по меньшей мере, 1000 кавалеристов, а пехотинцам нет числа. Некоторые из них могут похвастаться численностью пехоты и кавалерии, втрое больше вышеприведенной»⁵⁷.

Особый интерес представляет декодирование понятий, которые несут в себе этические коннотации. Те из правителей, которые сумели заслужить одобрение англичан или выказали должное почтение, именуются туземными джентльменами – “native gentlemen”⁵⁸. Так, приветствуя просвещенность индийской элиты и европейскую образованность, «Принц был рад слышать, что раджа Колапура делает успехи в учебе, и отметил, что *этот туземный джентльмен* (курсив мой. – Н. Б.) будет иметь большое преимущество, если сможет общаться по-английски»⁵⁹. За этим последовало приглашение раджи посетить Англию. Так же обозначены цейлонские правители, принимавшие принца Уэльского в начале декабря 1875 г. {рис. 11}: «Принц весело болтал с правителями Канди во время представления Перехара, и почти все *эти туземные джентльмены* (курсив мой. – Н. Б.) бегло говорили по-английски»⁶⁰. При въезде в Джайпур Его Высочества один из отрядов эскорта махараджи был одет в европейскую форму, и одним этим фактом солдаты заслужили себе гордое звание джентльменов. Использование во всех примерах риторической фигуры метонимии⁶¹ следует расшифровывать

⁵⁶ The Illustrated London News. 1876. 2 February.

⁵⁷ The Illustrated London News. 1876. 11 March.

⁵⁸ The Illustrated London News. 1876. 19 February.

⁵⁹ The Illustrated London News. 1876. 20 November.

⁶⁰ The Illustrated London News. 1876. 8 January.

⁶¹ Метонимия – вид тропа, «перенос слова с одного объекта на другой на основании смежности понятий, обозначаемых этим словом». (Литература и язык... С. 382).

не просто как процедуру перевода. Понятие «джентльмен» в данном контексте несет в себе явную моральную нагрузку. Англичане, пытаясь найти подходящий для данного случая прямой эквивалент обозначения чувства приятия поступков правителей, их личного прогресса или просто внешнего вида, высказывают свое оценочное суждение и, тем самым, осмыслиют некую схожесть между «Своим» и «Чужим».

Так было в случае с махараджей Джайпура (Sewae Ram Singh), который устроил наследнику пышный прием. Его Высочество пользовался его гостеприимством почти месяц (дольше, чем в любом другом городе Индии) и был обязан ему незабываемыми экспедициями и охотой на тигров, диких слонов и кабанов в Непале и Тираи. Его словесный портрет – единственный, на котором заостряется внимание в статьях. «Он всё свое время и все помыслы направляет на благо своего народа. Махараджа настоял на налаживании санитарных условий в городе и довел дело до конца со всей строгостью, которая свойственна европейским властям. Он образовал Совет министров при правительстве, в его владениях царит конституционное правление; он дал городу самоуправление и основал просторный и красивый колледж. Здесь также имеются Институт искусств, музей, превосходные школы, великолепные публичные парки и многое другое. Все это содержится в превосходном состоянии, исправно функционирует, и может конкурировать с любым крупным английским городом в сельской местности. Все процессы махараджа контролировал лично, пешком обходя стройки, инспектируя работу с утра и до ночи. В нем нет и намека на ту помпу и самодовольство, которые так часто можно увидеть в иных индийских принцах». «У махараджи Джайпура нет склонности выставлять напоказ армию, хвалиться воинским составом, хотя его армия превосходит в числе любую из армий правителей богатых и влиятельных городов Индии на 1/5». Проницательность взгляда, немногословность, судя по сжатой линии рта, и сильная воля – так рисуется его визуальный образ {рис. 12}; к нему добавляется словесное описание: «Его народ управляется мудрым и справедливым правителем, он дарует комфорт, счастье и такое материальное благосостояние, какого нет ни у кого из правителей по всей Индии»⁶². В описании этого правителя присутствует прямая оценочность, исключительная для статей, избобилующих лишь косвенными характеристиками:

Махараджа Гвалиора Синдия оказал кронпринцу не менее теплый прием, став в глазах корреспондента «местным джентльменом» (после того, как дизайн его дворца сравнили с великолепием Тюильри), а затем

⁶² The Illustrated London News. 1876. 30 March.

заслужил высшей степени одобрения: был назван «другом, личным другом Его Высочества» {рис. 13}. Осознанно или нет, но слова махараджи Синдрии попали в подготовленную почву: «Для меня было честью видеть Ваше лицо. И я едва ли могу надеяться увидеть его вновь, но пусть в Англии обо мне останется добрая слава. Всё, чем я владею – принадлежит и Вам»⁶³. Словесное выражение почтения к кронпринцу, подтверждение права Британии на территорию Гвалиора воспринимаются англичанами как должное, поведение махараджи перерастает в статус образцового, так как полностью оправдал ожидания.

Слова махараджи Синдрии следует воспринимать не только как выражение почтения к королевской персоне, но и буквально: новая политика в отношении индийской феодальной верхушки, провозглашенная ещё в прокламации королевы Виктории от 1 ноября 1858 г., последовательно проводилась колониальной администрацией в жизнь. Синдрия активно поддерживал метрополию во время восстания сипаев, и вошел в круг правителей Северо-Западных провинций, кому англичане пожаловали значительные территории из земель, конфискованных у мятежников. Наделяя индийских помещиков и князей землями, англичане экономически закрепляли свой союз с верхушкой индийского общества. В этом же проявился один из основных принципов английской политики в Индии – «разделяй и властвуй». На большом приеме–дарбаре в ноябре 1859 г. в Агре, куда для встречи с генерал-губернатором были приглашены владетельные князья Раджпутаны и некоторых других районов Индии, впервые было объявлено об изменении английской политики в отношении «выморочных» (не имевших прямого наследника по мужской линии) княжеств. Лорд Каннинг разрешил Синдрии выбрать себе приемного наследника. Принц Уэльский собственноручно наградил махараджу орденом «Звезда Индии». Таким образом, поводов у Синдрии благодарить метрополию в лице Принца были.

Англичане постоянно навязывают индийцам «правильный» поведенческий кодекс. От них ожидается выражение признательности по отношению к Англии в словах, поступках и даже мыслях. Показателен анализ грамматической текстовой доминанты – глагола *must*, используемого для выражения уверенности, несомненности. Частое его употребление в статьях “The Illustrated London News” по отношению к индийцам вскрывает ожидаемую от них модель поведения. Если глагол в высказывании передаёт денотативное значение действия, а западная модель отношения к внешнему миру характеризуется высокой активностью, то

⁶³ The Illustrated London News. 1876. 4 March.

нахождение таких глаголов в тексте напрямую отражает степень британской активности в Индии. Так, индийское население должно: «быть благодарным Англии»; «оказать блистательный прием Принцу Уэльскому»; «симпатизировать установлению прогресса цивилизации и выражать удовлетворение по поводу установления хороших отношений между Востоком и Британской Империей»; «выказывать рвение на ниве просвещения»; «выражать высшую степень признательности за ту честь, которую выказал Принц, посетив страну».

Основную роль в формировании образа индийских правителей на страницах газеты играет использование не только риторических фигур, но также стереотипов. В итоге, мы видим, что англичане целенаправленно делят их на два лагеря: правители, которые следуют советам метрополии (им даются самые лестные характеристики в терминах западной системы ценностей); и те, которые не оправдали их ожиданий (получают в глазах англичан отрицательные характеристики). Предлагается следующий набор ценностных характеристик индийцев, построенный на полярных оценочных суждениях:

«+» характеристики	«-» характеристики
Спонтанность в проявлении чувств и доброта	Грубые варварские поборы с населения
Безмятежность	Иррациональность
Фантастичность одежд	Варварство
Восточная pompa правителей, или вычурность	Чудаковатость
Веселый, беззаботный	Праздность
Учтивость, любезность	Сверхъестественность, склонность к мистике
Баснословное богатство	Хвастовство
Восточное гостеприимство	Расточительность
Выражение глубокого чувства обязанности	Умение пускать пыль в глаза, обман

Таким образом, процесс восприятия креолизованного текста есть процесс двойного декодирования заложенной в нем информации: при восприятии изображения происходит его наложение на воспринятое содержание вербальной составляющей статей. В итоге, «возникает некая третья, единая, общая семантическая составляющая всего креолизованного текста»⁶⁴. Изучение такого типа текстов позволило в рамках нашего исследования выявить взаимодействие языка, отражающего имперский тип мышления англичан, с другими семиотическими системами.

⁶⁴ Вестник ТвГУ...2010. С. 137.

Креолизованный текст “The Illustrated London News” о колониальных правителях основывается на предзнании – «глубинных пластах образов»⁶⁵, уходящих своими корнями в британскую литературную, политическую и историческую традиции. В соответствии с этим публицисты выстраивают текст, а британский читатель вычитывает смысл высказываний и имплицитные коды, организующие новостные статьи. При конструировании образа правителей Индии британская пресса использовала стилистические средства, помогающие осмыслять инаковость индийского мира и его правителей: перевод, сравнение, метонимия, метафора. Помимо этого, «эффект экзотики» формировали культурные стереотипы отсталости туземцев, такие стратегии дифференцирования «Другого» как: утверждение об инертности индийцев в качестве оппозиции динамично меняющемуся Западу; использование «этнографического настоящего времени»; объединение индийцев в коллективное «они» в оппозиции к «нам». Задачей было органичное введение информации об Индии в пространство своей колониальной ойкумены, потому и персонифицированный образ индийского правителя репрезентируется в обобщенной, абстрагированной форме, рассматривается как подтверждение ранее созданных политических и культурных клише. По большому счету, целью авторов статей и иллюстраций было не столько сформировать объективное представление б Индии, сколько убедить читателя в правильности той интерпретации, которую они предоставляли. Система аргументации была направлена на то, чтобы мнение авторов стало мнением аудитории. Имплицитно оно соответствовало мнению консервативной власти: склонить «туземных джентльменов» к лояльности и преданности британской власти, переориентировать их в сторону европейских ценностей в рамках той культурной и политической модернизации, процесс которой начался в Индии еще в 1860-х гг.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Антонова К.А., Бонгард-Левин Г.М., Котовский Г.Г. История Индии (краткий очерк). М.: Мысль, 1973.
- Афанасьева А.Э. Британские путешественницы в Восточной Африке во второй половине XIX в.: проблемы статуса и репрезентаций: дис. ... канд. ист. наук: Ярославль, 2004.
- Белолипецкая Н.А. Образ Египта и египтян в британской культуре последней четверти XIX – первой четверти XX вв.: механизмы формирования: дис. ... канд. культурол.: Екатеринбург, 2010. С.182.

⁶⁵ Шестопал. 2002. С.17.

- Богомолов С.А.* Проблемы функционирования социопсихологического механизма имперской идентичности в поздневикторианской Великобритании // URL: http://www.sgu.ru/faculties/historical/sc.publication/historynewtime/new_history_20/6.php
- Войтасек Л.* Психология политической пропаганды. М., 1981.
- Ворошилова М.Б.* Креолизованный текст в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. Вып. 3(23). Екатеринбург, 2007. С. 73-78.
- Гири К.* Насыщенное описание // Гири К. Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004. С.478-522.
- Cairns H.A.C.* Prelude to Imperialism: British reactions to Central African Society 1840–1890. L., 1965.
- Костюченко В. С.* Вивекананда. М.: Мысль, 1977.
- Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия / под ред. проф. Горкина. М.: Росмэн. 2006.
- Лурье С.В.* Русские в Средней Азии и англичане в Индии: доминанты имперского сознания и способы их реализации // Цивилизации и культуры. Россия и Восток: цивилизационные отношения. М., 1995. Вып. II. С. 252-274.
- Луцицкая С.И.* Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб.: Алетейя, 2001.
- Любимов Ю.В.* Образ Другого: (Восток в европейской традиции) // Историческая психология и социология истории. М., 2010. № 1. С. 21–47.
- Сидорова С.Е.* Английский либерализм и проблемы модернизации Индии в 60-х – первой половине 80-х гг. XIX в.: дис. ... канд. ист. Наук: М., 2006.
- Смирнов С.В.* Образ Востока в мировой исторической науке (втор. пол. XIX – XX в.) // "Проект Ахей". URL: <http://mmj.ru/index.php?id=39&article=500>
- Смирнова И.С.* Образ лидера и политической элиты в прессе Великобритании. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006.
- Спешилова А.Ю.* Виды взаимодействия вербальной и визуальной составляющих креолизованного текста на примере современной печатной рекламы // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». Вып. 5. 2010. С. 136-140.
- Сундуков Р. В.* Дилемма социальных и культурных оснований репрезентации // Вестник ННГУ. Сер. Социальные науки. Выпуск 1 (2). Н. Новгород: ННГУ, 2002. С. 221-233.
- Успенская Е.Н.* Раджпуты: рыцари средневековой Индии. СПб.: Евразия, 2000.
- Фуко М.* Слова и вещи: археология гуманитарных наук. М., 1977.
- Чудакова Н.М.* Концептуальная область "Неживая природа" как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации (2000–2004 гг.): дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.
- Шестопал Е.Б.* Теоретико-методологические проблемы исследования образов власти: психология восприятия власти. М., 2002.
- The Illustrated London News. 1875–1876.
- The Morning Post. 1875.
- Fabian J.* Time and the Other: How Anthropology Makes Its Object. N.Y.: Columbia University Press. 1983.
- Hall S.* The spectacle of the 'other' // Representation: cultural representations and signifying practices / Ed. By Stuart Hall. London, Sage publ. 2003. P. 223-290.
- Богомолова Наталия Николаевна**, аспирант кафедры всеобщей истории Брянского государственного университета; natalie_bogomolova@mail.ru

Рис. 1.

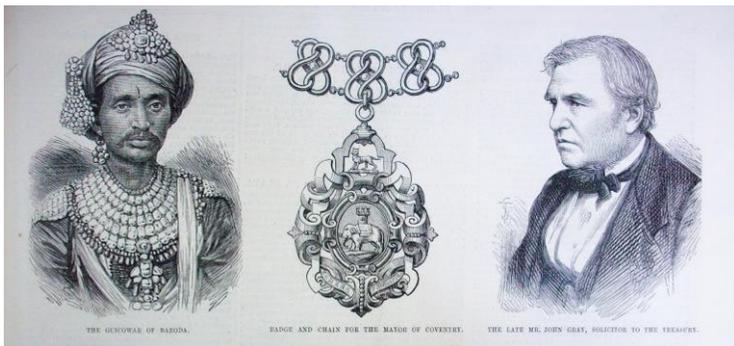

Рис. 2

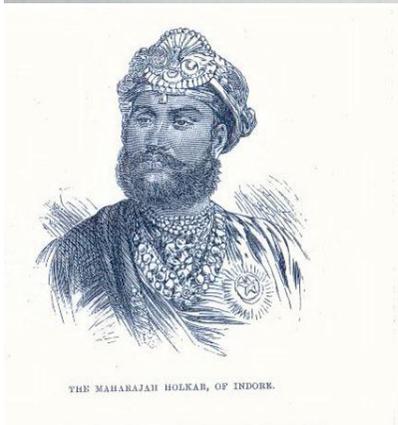

Рис. 3

Рис. 4

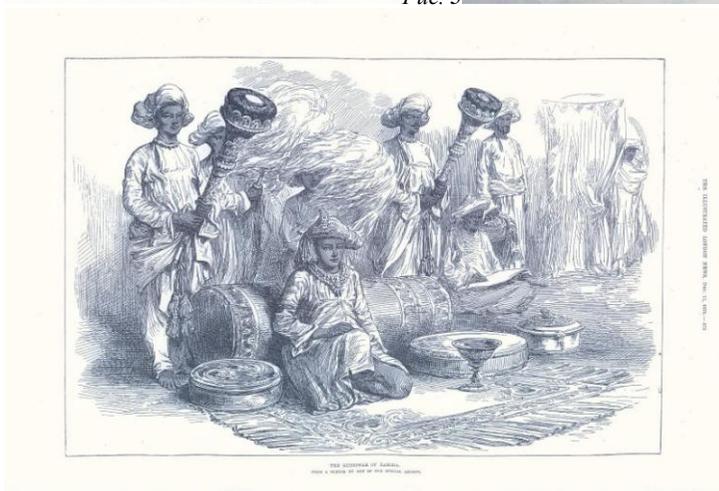

Рис. 5

Рис. 6

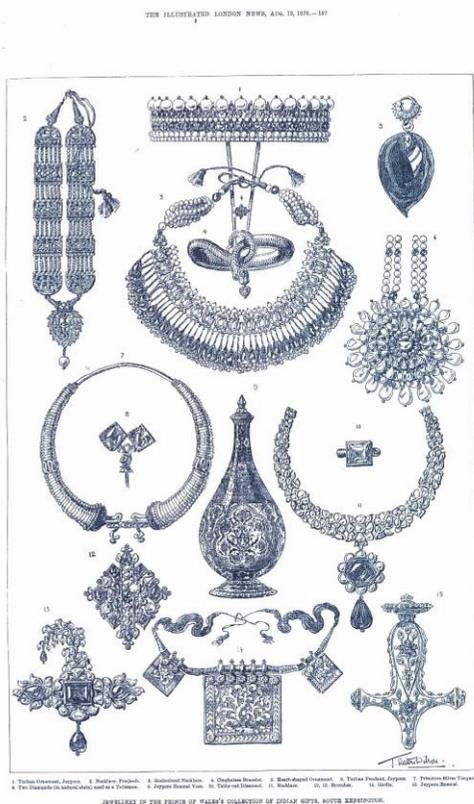

Рис. 7

Рис. 8

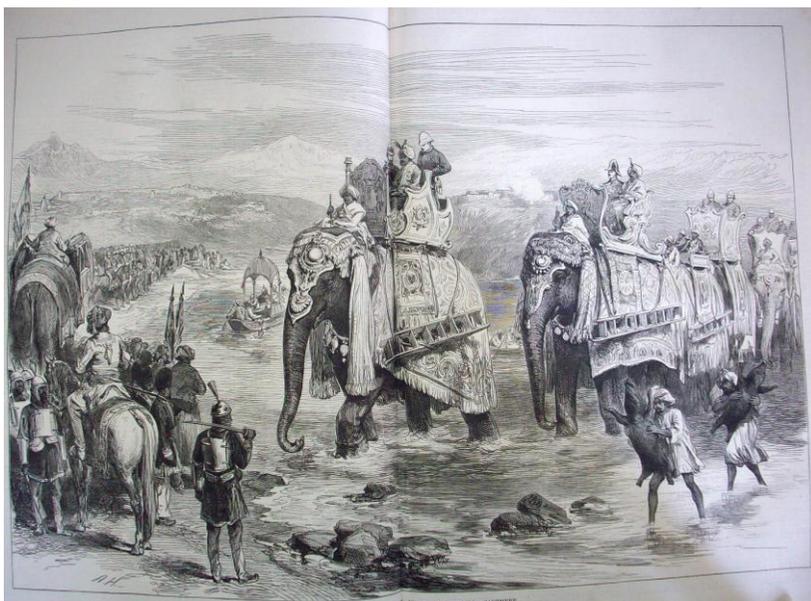

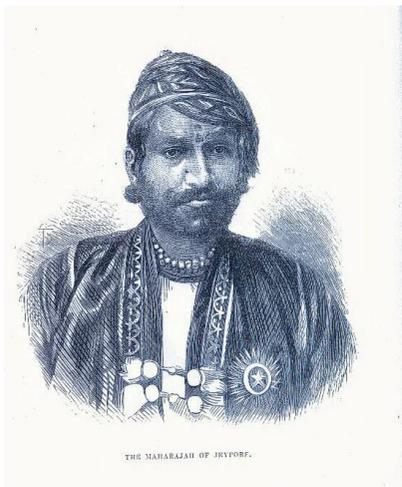
Рис. 9

Рис. 10

Рис. 11

THE MAHARAJAH OF JEYPORE.

Рис. 12

RUTHERA PROPOSES THE HEALTH OF THE PRINCE OF WALES AT OWALTON.
FROM A SKETCH BY ONE OF OUR SPECIAL ARTISTS.

Рис. 13